

остаётся и после того, как народ пал, изменил своей цели и подверг своё национальное и государственное достоинство величайшим унижениям» [12, с. 106]. Философски можно расценить суждение В.Я. Курбатова в связи с высказанной им мыслью, что «христианство через *крест-янство* у всех у нас в крови вплоть до последнего атеиста» [8, с. 128].

Православная традиция в современной литературе – это утверждение христианской системы ценностей. В произведении отразилось личное понимание веры, воплощена надежда на возрождение мира через путь к Богу. Отступничество от Бога – трагедия, которая не закончилась и продолжает приносить свои горькие плоды. Страна, в которой жизнь строилась на христианских принципах, в которой уклад бытия во многих своих проявлениях был взращён Православием, должна всё же возродиться. В.П. Астафьев апеллирует к человеческому разуму, призывая следовать принципу человечности, на котором основано учение Создателя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Фаст Г. С ним уходит вся эпоха // Сб-к «И открой в себе память...»: воспоминания о В.П.Астафьеве: материалы к биографии писателя. – Красноярск, 2008. – С. 174-175.
2. Гайдаш О.Н. Отражения православного мироощущения в творчестве В.П.Астафьева // Дар слова: Виктор Петрович Астафьев: (к 85-летию со дня рождения). – Иркутск, 2009. – С. 617.
3. Золотусский И. Прокляты и воскрешены // Литературная газета. – 1995. – №11. – С. 192.
4. Варламов А.Н. Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века. Дисс... канд. филол. наук. – М., 1997.
5. Астафьев В. Затеси // Астафьев В. Печальный детектив. – Екатеринбург, 2003. – С. 464.
6. Астафьев В, Прокляты и убиты. – М., 2005. – С. 306.
7. Цит. По:Кураев М.Н. Виктор Астафьев и конец крестьянской Руси // Дар слова: Виктор Петрович Астафьев: (к 85-летию со дня рождения). – Иркутск, 2009. – С. 621.
8. Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов: Письма из глубины России. – Иркутск, 2002. – С. 384.
9. Курбатов В.Я. Слово при вручении В.П. Астафьеву премии А.И. Солженицына // Псковская губерния. – 2009. - №15. – 22 – 28 апреля.
10. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. – М., 1993. – С.353.
11. Вахитова Т.М. Народ на войне (Взгляд Астафьева из середины 90-х. Роман «Прокляты и убиты») // Русская литература – 1995. – № 3. – С. 25.
12. Бердяев Н.А. О русских классиках. – М., 1993. – С. 266.
13. Новый Завет. – М., 2009. – С. 339.
14. Рыбалченко Т.Л. Мотив погружения в воду в прозе В.П. Астафьева // 4 Астафьевские чтения в Красноярске: национальное и региональное в русском языке и литературе. 12-13 сентября 2006 г. – Красноярск, 2007. – С.57.
15. Щедрина Н.М. Проблема трагического в романе В. Астафьева «Прокляты и убиты» // Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века: Сб-к мат-лов 1 Международной научной конф., посвящённой творчеству В.П. Астафьева. 7-9 сентября 2004 года. – Красноярск, 2005. – С. 101-102.
16. Великие старцы двадцатого столетия. – М., 2007. – С. 329.

УДК 820.П.03

Куликова Е.В.

Московский государственный
университет печати

«ЧЕВЕНГУР» А. ПЛАТОНОВА В ОЦЕНКЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КРИТИКИ 1980-1990-Х гг.*

Аннотация. Статья посвящена особенностям восприятия романа Андрея Платонова «Чевенгур» представителями англоязычной критики А. Тески и Т. Сейфрида.

Рассматриваются такие аспекты, как влияние философских учений Н. Федорова, политической ситуации в Сталинской России, биографии писателя на творчества Анд-

рея Платонова в целом и на роман «Чевенгур» в частности.

Ключевые слова: русская литература, критика, англоязычная критика, Андрей Платонов.

E. Kulikova

ANDREY PLATONOV'S «CHEVEN-
GUR» IN ENGLISH-SPEAKING LITERARY

* © Куликова Е.В.

CRITICISM PERCEPTION IN 1980-1990

Abstract. The article deals with the peculiarities of perception Andrey Platonov's novel "Chevengur" by representatives of English-speaking literary criticism Ayleen Teskey and Tomas Seifrid. Such aspects as influence of N. Fedorov's philosophical theory, political situation in Stalin's period Russia, biography of the writer on the literature work of Andrey Platonov in general and particularly the novel "Chevengur" are considered.

Key words: Russian literature, literary criticism, Andrey Platonov, English literary study.

Роман «Чевенгур» закончен Платоновым в 1928, а увидел свет лишь в 1972 г. во Франции. Большинство исследователей творчества писателя не обходили своим вниманием этот роман. Как справедливо заметил Г. Гюнтер, несмотря на многочисленность работ и разнообразие применяемых «оптик», за «Чевенгуром» и сегодня сохраняется репутация «загадочного текста» [1, с. 78]. Поскольку работы отечественных литературоведов доступны всем желающим с ними ознакомиться, в данной статье внимание будет уделено исследованиям англоязычных ученых. Представляется, что такой взгляд со стороны позволит глубже понять значение этого выдающегося произведения.

Английская исследовательница Айлен Тески^{а1} посвятила роману «Чевенгур» главу своей монографии «Платонов и Федоров: влияние христианской философии на советского писателя» [9]. Литературовед называет «Чевенгур» одним из наиболее значимых в плане выражения философских идей Платонова. По мнению исследователя, автор в нем пересматривает свои прежние убеждения о том, что человек и вместе с ним природа должны переродиться. События, произошедшие в советской России, считает ученый, развеяли иллюзии Платонова, писатель утратил свой прежний оптимизм, и его взгляд на мир стал сугубо пессимистичным.

Причиной пессимистичного настроения Платонова автор монографии считает неудачи в карьере. После успешной деятельности Платонова в Воронеже его переводят в Тамбов в надежде, что он сможет произвести там те же улучшения, но люди, с которыми ему пришлось работать в Тамбове, оказались недружелюбными и неотзывчивыми, и ему не удалось осуществить свои проекты. Отношения с сослуживцами не сложились настолько, что его

жизнь превратилась в ад и он был вынужден уехать в Москву. В результате вера Платонова в возможность человека улучшить, усовершенствовать себя значительно пошатнулась.

В таком подходе Тески просматривается попытка автора проследить влияние обстоятельств личной и профессиональной жизни писателя на его творчество и мировоззрение. Представление А. Тески о жизни писателя в Тамбове подтверждается письмами к жене Марии Платоновой. «Обстановка для работ кошмарная. Склоки и интриги страшные... Мелиоративный штат распущен, есть форменные кретины и доносчики. Хорошие специалисты беспомощны и задержаны... Возможно, что меня слопают и выгонят из Тамбова» [3, с. 446]. Вместе с тем общее состояние Платонова никак нельзя назвать подавленным. Слабохарактерный человек, каким предстает писатель в оценке Айлен Тески, едва ли смог бы стать оппозиционным писателем, тем более в советское время.

Исследовательница также полагает, что указанные выше факторы, как-то: неудачи в профессиональной деятельности, недовольство НЭПом и т. д. – вдохновили Платонова на создание своей собственной модели совершенного общества, в результате чего и появился «Чевенгур». Эта модель оказывается простейшим коммунистическим обществом, каждый член которого независим и потребности каждого в котором сведены к минимуму. Но общество это настолько примитивно, что не в состоянии противостоять реальности и не может выстоять в мире, где коммунизм еще не построен. В результате на чевенгурскую коммуноу нападают контрреволюционеры, и ее членов разгоняют либо убивают. Таким образом, приходит к заключению Тески, Платонов видит будущее граждан советской России в мрачных тонах. Следовательно, можно сделать вывод о том, что А. Тески считает роман Платонова антиутопией, как и большинство зарубежных исследователей.

Также А. Тески отмечает, и с этим трудно не согласиться, что произведения Платонова и «Чевенгур», в частности, не имеют начала и конца. Точнее, начало «Чевенгура» написано таким образом, чтобы подчеркнуть безвременность существования, а конец, убедительный и окончательный для одних героев, остается как бы «повисшим в воздухе» для других. В этом открытом конце возникает мотив странствия, пронизывающий большинство произведений Платонова. Два главных героя – отец и сын – только эпизо-

дически появляются в романе и участвуют лишь в некоторых из наиболее значимых событий. Трудно все же согласиться с мнением исследователя о том, что отец и сын Двановы не являются главными героями романа. Саша Дванов — один из главных героев, и на его образ приходится значительная идейная нагрузка. Далее исследователь указывает, что в произведении главную роль играют философские идеи, которые Платонов теперь подвергает большей проверке, чем это было в ранних произведениях.

Таковыми идеями литературовед правомерно считает федоровские идеи о братстве людей, борьбе с природой, смерти и воскрешении. «И пока эта слепая сила (половой инстинкт) не будет побеждена целомудрием... пока природа не придет через человека к полному осознанию и управлению собой, пока существует рождение, пока у людей будут потомки, до тех пор и в земледелии не будет еще правды и полного знания, и земледелие должно будет обращать прах предков не по принадлежности, а в пищу потомкам», — писал Н.Ф. Федоров [7, с. 66].

Собственно автор монографии в главе, посвященной «Чевенгуру», анализирует то, как вышеперечисленные идеи Федорова отразились в романе Платонова. В начале приводится краткое изложение учения Федорова², конечно же, в несколько упрощенном, так сказать адаптированном виде. Впрочем, существенных искажений в этом изложении нет.

Платонов, по мнению А. Тески, утверждает, что корень проблем — один на всех уровнях, и кроется он в чрезмерности сексуальной энергии. На примере семьи Двановых Платонов показывает, как этот важный социальный институт оказывается во власти враждебных сил. По его мнению, самым главным фактором, угрожающим существованию семьи, является сексуальная мощь. По мнению исследовательницы, проблема Захара Дванова состоит в том, что он не в состоянии контролировать свои сексуальные потребности, об этом говорит ему и его старший сын. Чрезмерное увлечение Дванова сексом не только истощает его физическую силу, но и роняет его родительский авторитет. Сама природа в романе выступает против сексуальной необузданности героя. Дети рождаются быстрее, чем на полях созревает урожай, чтобы накормить их. В доказательство этой своей мысли исследовательница приводит совет, данный Захаром, когда он провожал Сашу на гражданскую

войну: «Главное, не надо этим делом нарочно заниматься — это самая обманчивая вещь: нет ничего, а что-то тебя как будто куда-то тянет, чего-то хочется... И у всякого человека в нижнем месте целый империализм сидит ...» [5, с. 78]. Представляется не вполне правомерным отождествлять позицию автора и позицию персонажей. Несомненно то, что Айлен Тески выдвинула оригинальную идею о том, что сексуальная энергия является одной из основных тем романа.

Другая федоровская идея — это идея братства. Исследовательница полагает, что личное отношение Платонова к федоровскому понятию «братства» выражается в описании не пролетариата, а тех, кого Прокофий Дванов именуется просто «прочие». Как впоследствии оказывается, эти «прочие» и включают в себя все человечество. Чепурный в продолжение семейной темы спрашивает, был ли у них классовый отец, на что Прокофий отвечает, что они «безотцовщина». Эта «безотцовщина» у Платонова является центральным мотивом в его философской концепции человечества и имеет в качестве второго полюса архетипа Отец/Безотцовщина символический образ отца.

Этот символ отца также имеет две стороны, с одной стороны, отец-рыбак представлен как упование и спасение сына Саши, но, с другой стороны, он враг для семьи, потому что он покинул, предал ее, бросившись в реку. Просматривается связь с библейским восприятием Бога-отца, который и великодушен, и в то же время карает своих детей. Эта точка зрения точно иллюстрируется в песне, которая звучит, когда «прочие» входят в Чевенгур. Платонов, по мнению ученого, развивает федоровский тезис, несколько расширяя его: по мнению писателя, не только сыновья виноваты в том, что предали своих отцов, но и отцы предали своих детей, и данный взаимный процесс привел их к жизни, полной страданий.

В конце, пишет А. Тески, и с ней нельзя не согласиться, Платонов развенчивает федоровскую идею о всеобщем братстве. Он утверждает, что глубоко в душе человека существует идеал братской любви, но он никогда не сможет быть воплощен в форму стройной социальной системы. Братство остается одним из самых сокровенных желаний человечества, идеалом, который вдохновляет людей на совершение поступков на протяжении всей истории, но который в конечном итоге не может изменить мироздание. Таким образом Тески проанализировала разные формы ре-

цепции Андреем Платоновым идей Николая Федорова: их приятие и полемику с ними.

Помимо федоровских идей, Ален Тески усматривает в романе и ряд библейских мотивов. Так, приезд новых пролетариев в Чевенгур напоминает исследовательнице библейское повествование, когда сыны израильтян входят в землю обетованную. В обоих случаях земля была расчищена для избранных жестокими мерами. В обоих случаях «избранные» люди неорганизованны, недисциплинированы, представляют собой сильно нуждающуюся толпу, объединенную только общим страданием и верой в то, что они достигнут своей цели.

Пока Чепурный ждал приезда новых поселенцев, у него возникло ощущение, что он это уже видел. Он старается вспомнить, где и когда это могло произойти, но не может. Исследовательница усматривает здесь отсылку к библейской сцене, когда Моисей ведет народ к земле обетованной. При этом исследовательница не принимает во внимание, что между Моисеем и Чепурным существует огромная разница: Моисей сам активно ведет свой народ за собой, в то время как Чепурный пассивно ждет результатов построения коммунизма в Чевенгуре.

Платонов также может иметь в виду и другую сцену, Нагорной проповеди, поскольку в его описании пролетариев исследовательница усматривает связь с заповедями блаженства. Возможность связи коммунизма с христианством проявлялась, по мнению исследовательницы, и в более раннем эпизоде, когда Копенкин читает на церкви «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и аз упокою Вы», и усматривает связь между этими словами и посланием-обращением Ленина к пролетариату.

Эта попытка Айлен Тески и представить коммунизм как новую религию и проследить ее связь с христианством (Ветхим и Новым Заветом) представляется не очень убедительной.

Конечно, коммунистическая идеология в обществе действительно заняла (порой принудительно) место религии. Безусловно, Андрей Платонов, обучавшийся в церковно-приходской школе, очень хорошо знал Библию. Но вопрос о том, насколько сознательно он стремился отсылать своих читателей к библейскому тексту, остается открытым. Создается впечатление, что исследователь задалась целью найти в произведении библейские мотивы и их находит, что она не идет за литературным материалом, а подчиняет его своей

концепции. Кроме того, у Тески отсутствуют текстуальные параллели Библии и романа Платонова.

Айлен Тески указывает на то, что в романе существует два мировоззренческих уровня: уровень Чепурного, с его искаженными взглядами, и более глубокий уровень, на котором еще существует истинное братство людей. На философскую многоуровневость романа Платонова указывают практически все исследователи его творчества, в том числе и Томас Сейфрид, об интерпретации которого пойдет речь далее в этой статье.

Славист Томас Сейфрид³ также не отрицает влияния учения Федорова на творчество Платонова вообще и роман «Чевенгур» в частности.

Исследователь видит следы увлеченности Платонова учением Федорова в том, что роман начинается с описания суровой засухи и следующим за ним голодом. Также Платонов, по мнению Т. Сейфрида, этим описанием враждебности природы выступает против деторождения, которое лишь увековечивает цикл рождение-смерть. Едва ли можно полностью согласиться с этим утверждением ученого. Рецепт в «Чевенгуре» федоровской концепции о враждебности мира по отношению к человеку ученый усматривает и в эпизоде, когда Дванов и Копенкин идут по деревне, разоренной ужасом военного коммунизма и только едва начавшей приспосабливаться к большевистской власти. При этом он утверждает, что именно в «Чевенгуре» в отличие от своих более ранних произведений Платонов начинает отдаляться от Федорова, подчеркивая, что перестает разделять социально-этические воззрения последнего.

Оценка влияния учения Федорова на платоновское творчество выглядит у американского исследователя менее убедительно, чем позиция Тески, поскольку Сейфрид ограничивается описанием сцен и эпизодов, в которых он видит проявления влияния федоровских идей, никак, к сожалению, не комментируя это влияние и не цитируя ни само учение Федорова, ни преломление его идей в творчестве Платонова. Да и собственный подход к рассмотрению романа «Чевенгур» и его места в творчестве писателя у Томаса Сейфрида совсем иной. Впрочем, продуктивен диалектический взгляд на рецепт федоровских идей у Платонова.

Ученый начинает свое исследование о «Чевенгуре» с истории его создания и публикации и упоминает, что Платонов приступил

к работе над романом уже в 1926 году, находясь в Тамбове. Сейфрид здесь ссылается на тот факт, что в письме Литвинову-Молотову, написанном в этом году, обсуждается, но не называется произведение, абсолютно сходное с известным нам теперь «Чевенгуром».

Так же исследователь описывает сложности, которые возникли с публикацией романа в связи с деятельностью РАПП, и переписку с Горьким, которому Платонов пытался доказать, что «Чевенгур» не является контрреволюционным романом и просил Горького о помощи. Как и предсказывал Горький, «Чевенгур» не был опубликован в России вплоть до 1988 года. То, что роман не был доступен читателям в течение шести десятилетий, Томас Сейфрид справедливо называет огромным ущербом, нанесенным русской литературе сталинизмом.

Вышесказанное свидетельствует о том, что ученым хорошо изучена биография писателя и его переписка.

Исследователь называет «Чевенгур» историей о расцвете и закате коммунистической утопии, панихидой по «стихийной» народной революционности. Катастрофа, которой заканчивается роман, означает трагическое отступление «стихийности» перед силой.

Т. Сейфрид, как и Тески, признает наличие в романе библейских мотивов. Так, со ссылкой на М. Геллера он указывает на возможность рассмотрения Дванова и Копенкина как апостолов коммунистической религии, которые видели трагедию для страны в рождении новой русской бюрократии, хотя в целом исследователь предпочитает рассматривать данное произведение в политическом контексте.

В романе, как вполне обоснованно утверждает исследователь, легко прослеживается критическое отношение писателя к сталинской политике. В этом с ним согласятся ряд отечественных литературоведов: таких, как Н. Корниенко, Н. Малыгина, в частности Бенедикт Сарнов, автор книги «Сталин и писатели», который приводит вполне убедительные факты, касающиеся отражения в романе Платонова политических событий в стране. Таково хитроумное решение Прокофия «остатки населения вывести из Чевенгура сколько возможно далеко, чтоб они заблудились ... Затем – всему среднему запасному остатку буржуазии объявляется смертная казнь, и тут же она прощается... Прощается под знаком вечного изгнания из Чевенгура. Если же остатки появятся в Чевенгуре,

то смертная казнь на них возвращается в 24 часа» [4, с. 182-183] в точности повторяет ленинский план высылки за пределы Страны Советов такой же «остаточной сволочи» – философов, экономистов, инженеров и прочих «полубуржуев», от которых вождь российского пролетариата решил очистить Россию. Высылка из страны была заменой высшей меры наказания за совершенные преступления, и каждый высылаемый предупреждался, что, оказавшись он на территории СССР, тот прежний приговор немедленно будет приведен в исполнение [5, с. 888].

Сильная сторона литературоведческой методологии Сейфрида — указание на возможность разных взглядов на роман «Чевенгур» и разных его интерпретаций. По мнению исследователя, эта возможность заложена в самом романе. Тут его точка зрения перекликается с мнением многих российских исследователей, в частности Михаила Михеева, Елены Проскуриной.

Одну из возможных интерпретаций, о которой было сказано выше, трактовку произведения как историю о расцвете и закате коммунистической утопии, он назвал «анархистской». Однако исследователь предлагает и другую интерпретацию романа: деятельность чевенгурцев и утопические взгляды, толкающие их на те или иные поступки, воспринимаются как провинциальная самодеятельность.

Эта противоположная интерпретация романа основана на чрезмерности поступков чевенгурцев, которая заставляет читателя воспринимать все, что происходит в Чевенгуре, как эксцентричное и неестественное. В частности, по мнению исследователя, такое восприятие образов героев «Чевенгура» было характерно для Горького. Основание для подобного восприятия дают герои, которые приезжают в провинциальный Чевенгур из центра, где люди обладают большим здравомыслием. Дванова и Копенкина никогда не покидает скептицизм, с которым они приехали в новый «город Солнца». Поэтому они со стороны смотрят на весь социально-политический эксперимент. То же самое можно сказать и о москвиче Симоне Сербинове, который заявляет по своему прибытии: «Я видел ваши труды, и они бесполезны» [5, с. 370]. Сейфрид усматривает здесь отголосок знаменитой фразы Стеффенса Линкольна «Я видел будущее, и оно прокладывает себе дорогу» (“I saw the future and it works”)⁴. Досконально не известно, что Платонов знал эту фразу, но исследователь полагает, что знал, и усмат-

ривает в реплике платоновского персонажа скрытое цитирование. Эта скептическая, или «консервативная» стратегия восприятия романа предполагает, что поражение является вполне предсказуемым итогом утопического эксперимента.

Наконец, роман Платонова воспринимается как пародия на революционный романтизм, воплощение на практике которого приведет к гражданской войне и к первым проявлениям сталинизма в 1928-1929 гг. Описание попытки построения коммунизма в одном городке выглядит как явное неодобрение попытки Сталина сделать нечто подобное в одной стране. В романе выражена очевидная антипатия к коммунистическому утопизму, что и явилось причиной диссидентско-эмиграционной, как выразился исследователь, репутации романа и последующего признания его «контрреволюционным».

Таким образом, по мнению Сейфрида, в романе «Чевенгур» сочетаются реальный и ложный поиски, а экзистенциальная тревога главных персонажей сменяется суицидом главного героя Саша Дванова. Имеет место и сюжетный фарс. Однако возникает еще и эпистемологический вопрос. Скрытая цель странничества Дванова — в поиске возможностей собственной вовлеченности в окружающий мир, оптимистичная вера в то, что где-то далеко есть то, чего не хватает для ощущения своей самодостаточности, удовлетворенности жизнью. (В этом проявляется склонность исследователя к постструктуралистской деконструктивистской психоаналитической традиции в литературоведении).

Итак, «Чевенгур» — обширный и сложный текст, который может быть прочитан в различных контекстах. Наиболее значителен в «Чевенгуре» онтологический миф, который проступает даже через синтаксис. Он не только заставлял героев романа, которые больше напоминают обобщенные экзистенциальные идеи, чем психологические типы, решать фундаментальные проблемы бытия, но и создает атмосферу гносеологической неопределенности, в которой сам авторский язык, кажется, занят поиском своего места в мире.

Два автора, работы которых о романе «Чевенгур» рассмотрены в данной статье, обнаруживают разные подходы к роману.

Ален Тески преимущественно пытается найти в нем религиозно-философские влияния и проследить их художественное воплощение с помощью конкретного анализа текста, что, следует признать, ей в основном удалось.

Томас Сейфрид также признает влияние учение Николая Федорова на творчество Платонова, но принимает посылку о данном влиянии как аксиому, не требующую доказательств. К тому же он полагает, что в романе «Чевенгур» Андрей Платонов уже отдаляется от теории Федорова и начинает относиться к ней критически. Томас Сейфрид рассматривает роман в политическом контексте в аспекте многоуровневости его идей, дающей возможность по-разному (порой противоположно) его трактовать, а также сосредотачивает внимание на доказательстве принадлежности романа к жанру антиутопии и предлагает онтологический подход к произведению. Как видно, методологии этого литературоведа присуща установка на психоаналитическое и герменевтически глубинное прочтение скрытых смыслов произведения, а также постструктуралистская «эпистемологическая неуверенность», которая предполагает сосуществование в одном научном тексте разных, порой взаимоотрицающих друг друга трактовок. Эта методологическая особенность характерна для постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистского метода [2, с. 478-479], однако Сейфрид использует и историко-культурный метод, от которого исследователи постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистского толка, как правило, отказываются⁵.

Вопрос о восприятии англоязычной и другой зарубежной критикой романа «Чевенгур» в частности и творчества Платонова в целом пока еще полностью не изучен, во время как рецепции творчества других писателей в зарубежной критике уже посвящен ряд диссертационных исследований и монографий⁶. Сущность любого явления, как известно, раскрывается во всей полноте только в диалектическом сопоставлении с другим явлением. Дополнить картину истории любой национальной литературы способен научный взгляд извне. Представляется, что анализ этого научного материала позволит глубже понять подлинное значение наследия Андрея Платонова и на таком фоне четче увидеть оригинальность художественной манеры этого мастера, поможет представить личность и творчество А. Платонова в многозначном и многоуровневом контексте тенденций литературного процесса XX века, определить значимость для представителей западной культуры творческого наследия Платонова, органично соединившего традиции русской и европейской философии, психоанализа и литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Английский ученый – литературовед, славист, выступала соорганизатором международной конференции, посвященной творчеству Андрея Платонова в Лондоне в 2002 году, преподает русскую филологию в Королевском университете в Белфасте. Монография «Платонов и Федоров: влияние христианской философии на советского писателя» (1982) основана на ее диссертации на соискание степени доктора искусств.
2. ФЕДОРОВ, НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ (1828-1903), русский религиозный мыслитель и философ. Сочинения Федорова вышли уже после его смерти под редакцией его учеников Н. Петерсона и В. Кожевникова под названием *Философия общего дела* (т. 1, 1906; т. 2, 1913). Пафос федоровского творчества — в обосновании идеи преодоления смерти. Смерть — главное зло мира, она может быть побеждена именно человеком, который должен отказаться от иллюзорных представлений о смерти как неизбежном “природном” явлении. Но для этого должен измениться сам человек, его отношение к другим людям, к обществу и природе. В мире господствует вражда, поддерживающая отношения “неродственности”. Федоров писал о “зооморфизме” основных исторических типов человеческого общества, поскольку все они строились на эгоизме и бесконечной борьбе друг с другом различных классов, социальных групп и индивидов. Объединить людей в “общем деле”, по его убеждению, может чувство долга и любви по отношению к предкам, к “отцам”, ко всем умершим людям. “Вереница смертей” будет прекращена, а все когда-либо жившие люди должны быть воскрешены после вступления человечества в историческую фазу “регуляции” космических процессов. “Автоматический” научный и социальный прогресс сам по себе, по мнению Федорова, не дает человечеству шансов на спасение и решает лишь отдельные проблемы. В то же время Федоров возлагал большие надежды на науку и ученых как особое “сословие”, способное сыграть решающую роль в борьбе со смертью. Общественным идеалом Федорова была т. н. “психократия”, социальные отношения должны полностью определяться нравственными принципами и прежде всего “супраморализмом” (долгом воскрешения). Федоров считал себя христианским мыслителем, хотя натуралистические тенденции его учения давали основания для упреков в “неортодоксальности” (Энциклопедия «Кругосвет») Платонов А. Чевенгур // Платонов А. Избранное. – М., 1988. – С. 78/
3. Томас Сейфрид- филолог-славист, в кругу его научных интересов важное место занимает литература и культура России 20 века, особенно 1920-1930 годов. В настоящее время является профессором университета Южной Калифорнии. Много времени провел в СССР, имеет ряд монографий. Много раз его статьи публиковались в таких изданиях, как “Rissian Literature”, “Slavic Review”, «Wierner Slavistischer almanach».
4. Стеффенс (Steffens) Джозеф Линкольн (6.4.1866, Сан-Франциско, — 9.8.1936, Кармел, штат Калифорния), американский публицист. Окончив Калифорнийский университет (1889), продолжал образование в европейских университетах. В начале 1900-х гг. возглавлял движение “разгребателей грязи”. Известие о победе большевиков он воспринимает как “хорошие вести для России”, осуждает антисоветскую интервенцию Антанты, окончательно разочаровывается в позиции Вильсона. В феврале 1919 г. Стеффенс вторично приезжает в Россию, охваченную кольцом блокады и интервенции, в составе миссии У. Буллита и имеет памятную беседу с В. И. Лениным, разъяснявшим ему право революции на самозащиту в условиях “белого террора”. Вернувшись из России в Париж, он охарактеризовал свои впечатления крылатой фразой: “Я видел будущее, и оно прокладывает себе дорогу” (“I saw the future and it works”). (Энциклопедия «Кругосвет».)
5. В центре внимания исследователей конца 1980 – начала 1990-х гг. – исторический дискурс «Чевенгура». Авторы работ интересуются преимущественно отношением Платонова к изображенной в романе исторической современности. В ряде статей содержится глубокий анализ художественного времени «Чевенгура» в данном аспекте. О позиции автора по отношению к изображаемому времени, времени написания романа и о характере их взаимодействия в художественной структуре произведения (см.: Свительский В.А. Испытание историей («Чевенгур») // Свительский В.А. Андрей Платонов вчера и сегодня: Статьи о писателе. – Воронеж, 1998), взаимодействия в художественной структуре произведения см.: Свительский В.А. Испытание историей («Чевенгур») // Свительский В.А. Андрей Платонов вчера и сегодня: Статьи о писателе. – Воронеж, 1998.
6. Будицкая Т.Г. «Творчество Михаила Булгакова в англоязычной критике 1960 - 1990-х гг.» Москва, 2001, . Мединская Н.Б «Ф. М. Достоевский в американской критике 1980-1990-х гг.», Томск. 1997, Савина Э.Р. «И. С. Тургенев во французской критике 1850-1880-х годов» Кострома 2003, Долженко С.Г. Творчество Е.И. Замятина в англоязычной критике. Ишим, 2003, Е.И. Шагалова «Творчество Ч. Айтматова в критике ГДР и воссоздание национального своеобразия его повестей в немецких переводах». – Фрунзе, 1984. Алеев Р.В «М.А. Шолохов в западном литературоведении и литературной критике: Писатель в диалоге и противостоянии культур 1950 - 1990-х годов». – Самара, 2006. Маликова Т.А «Творчество В. Аксенова 1960-1990-х годов в англоязычном литературоведении и критике», Воронеж, 2006.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гюнтер Г. Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» А. Платонова // Утопия и утопическое мышление. – М., 1991.
2. Ильин И.П. Эпистемологическая неуверенность // Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. – М., 2004.
3. Платонов А. Письмо жене от 10 декабря 1926 г. из Тамбова // Архив А.П. Платонова. Кн. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2009.

4. Платонов А. Собрание сочинений. – М., 1988. – Т. 2.
5. Платонов А. Чевенгур // Андрей Платонов Избранное. – М., 1988.
6. Сарнов Б. Сталин и писатели. – М., 2009. – Кн. 3.
7. Платонов А. Чевенгур // Андрей Платонов. Избранное. – М., 1988.
8. Федоров Н. Философия общего дела. – М., 2008.
9. Ayleen Teskey. Platonov and Feodorov. The influence of Christian philosophy on a soviet writer. Amsterdam, 1982.
10. Seifrid T Andrey Platonov. – Cambridge, 1992.

УДК 821.512.157 – 31.07

Лазарева Т.И.

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера*

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ РОМАНЕ СОФРОНА ДАНИЛОВА «ПОКА БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ»*

Аннотация. В представленной статье рассматривается специфика функционирования художественной детали в структуре социально-психологического романа. Художественная деталь по своей природе многофункциональна. Врастая в самую основу произведения, в его словесно-изобразительную ткань, она вступает в контакты и связи с сюжетом, конфликтом, с характером героев. Импликативные возможности детали наиболее ярко реализуются в социально-психологическом романе. В свою очередь, имплицитность детали проявляется в том, что, активизируя более чем одно значение, она может обладать дополнительным смыслом, тем самым формируя подтекст.

Ключевые слова: художественная деталь, социально-психологический роман, психологизм, имплицитность, подтекст, лейтмотив, сюжетосложение.

T. Lazareva

PECULIARITIES OF THE DETAIL OF ART IN SOFRON DANILOV'S SOCIO-PSYCHOLOGICAL NOVEL 'SUREKH TEBERIN TUKHARI' ['WHILE THE HEART IS BEATING']

Abstract. The article considers how the detail of art functions in the structure of a socio-psychological novel. The detail of art is multi-functional by its nature. Growing into the basis of a work, into the essence of depiction by words, the detail of art comes into contact with subject, with conflict, with nature of characters. The implicative possibilities of the

detail of art are realized more brightly in a socio-psychological novel. In its turn, the detail is implicit and it is seen in the fact that it, activating more than one meaning, may have an additional sense, thereby forming a subtext.

Key words: the detail of art, socio-psychological novel, psychologism, implication, subtext, leitmotif, composing a subject.

Самую малую единицу предметного мира произведения традиционно называют художественной деталью [1, с. 64]. Художественная деталь не только служит средством раскрытия характера, но и, врастая в сюжет, выступает «пружиной» развития сюжетной линии, выполняя многоплановую функцию. Именно эту художественную функцию подчеркивал Е.С. Добин, рассматривая деталь как своего рода «точку», которая имеет тенденцию расширяться в круг, сомкнуться с основным замыслом вещи: характерами, конфликтами, судьбами [2, с. 13]. В свою очередь, функциональные возможности детали зависят от жанровой разновидности художественного произведения. В использовании художественной детали наиболее показателен социально-психологический роман. В этом определенную роль играют характерные особенности его жанровой природы. Во-первых, художественной доминантой социально-психологического романа выступает психологизм. В современном литературоведении наиболее авторитетной признается концепция психологизма А.Б. Есина. В формулировке исследователя, «психологизм – это принцип организации элементов художественной фор-

* © Лазарева Т.И.